

ВЫБОР ВЕРЫ И ОХРАНА ПРИРОДЫ

Е.А. Лебедь

Choice of faith and nature conservation. - E.A. Lebed.- Berkut. 9 (1-2). 2000. - Influence of east religions on the nature conservation is discussed. It is showed the affectation and illegality of using ethical principles of relation to living beings, borrowed from hinduism, buddhism and jainism on ground of the European cultural tradition without the steadfast analysis of their philosophies. Conceptions of ecocentrists about supposedly veritable ecological culture of religions of East are discussed. [Russian].

Key words: nature conservation, cultural traditions, religion, ecocentrism.

Address: E.A. Lebed, Sumy pedagogical university, chair of zoology, Romenskaya str. 87, 40002 Sumy, Ukraine.

“Легко проповедовать нравственность, труднее ее обосновать”.

А. Шопенгауэр.

Хочу поделиться размышлениями над статьей В.Е.Борейко (1999) “Охрана птиц с позиций восточных религий”.

Охранять птиц необходимо. Это истина. Без нравственного императива, т. е. комплекса этических принципов, определяющих характер взаимоотношений человека и природы, нам не обойтись. Это тоже истина, но принимаемая далеко не всеми. Несмотря на неприятие или равнодушие массового сознания к животрепещущей проблеме современной цивилизации, человек ищет выход, пытаясь смутные ощущения, выхваченные из потока современных экофилософских представлений, облечь в четкую и действенную форму идей. Человек смотрит вдаль, с детства усвоив нетленную истину о роковом отсутствии пророка в собственном отечестве и видит священные знаки благоговейного отношения к животным на Востоке. Эти знаки, часто неумело, но весьма старательно чеканятся на скрижалях современной экоэтики и торжественно провозглашаются индикаторами возвышенного экологического сознания.

Паломничество в Страну Востока (“к истоку света, навстречу чуду”), духовный регион якобы истинной экологической культуры становится обычным, а часто и риту-

ально обязательным “шествием” как заморских экофилософов, так и отечественных писателей и журналистов, занимающихся охраной природы, неким интеллектуальным хаджем в экоэтическую Мекку.

Давайте на время оставим не в меру завышенные представления о восточных религиях и попытаемся нарисовать совершенно фантастическую картину. Все пестрое в этническом, конфессиональном, социальном, мировоззренческом аспектах население, скажем Европы, соответственно некоему consensus omnium или в результате снизошедшей благодати однажды с восходом Сури стало исповедывать индуизм, буддизм и джайнизм. Проснулось, так сказать в лоне “религий, опередивших нравственное сознание Европы и других континентов мира на тысячелетия”. Иными словами, родилось вновь, реинкарнировав в индуистов, буддистов и джайнов, восприняв в душу и осмыслив разумом эти религиозно-философские системы, но не ограничившись “россыпями экологической мудрости”, а тотально. Великодушно предоставим людям свободу в выборе веры: не будем мелочиться – ситуация ведь гипотетическая и всецело находится под контролем.

Кто-то решил стать индуистом, кто-то – приверженцем желтой веры, а кто-то – ревностным последователем Махавиры. И за-

* Точка зору автора може не співпадати з позицією редакції.

жили все новообращенные в “моральном и экоцентрическом” раю, решительно “порвав с антропоцентрическим и рациональным подходами”. Кругом благоговение перед жизнью, все практикуют глубинную экологию, истово медитируют в “индийских священных рощах, сохраняющих большое количество редких видов птиц”. Благодать, читатель! Ахимса...

Но не обольщайся доверчиво. На солнечном челе Сурья я замечаю легкую тень озабоченности – наметились признаки распада гармоничной экологической целостности на неотвратимую житейскую множественность. Чтобы быть полноправным индуистом, нужно принадлежать к одной из каст. Не по рождению, конечно, как в действительности, а исходя из свободы воли, предоставленной нами. И вот все индуисты пошли записываться в брахманы и кшатрии. Ведь какой же здравомыслящий европеец (да и не только он) захочет стать вайшьей, а тем более шудрой? Индуизм дробится на множество сект, подобно стеклышкам калейдоскопа, складывающихся в причудливые сочетания, поражая пестротой и многоликостью божеств. Буддисты разделились так же основательно: хинаяна, махаяна, ламаизм, тантризм, дзэн... Но если брахманы умело совмещают под одной крышей множество направлений, то буддийские школы распадаются, порождая новые, что приводит к поиску компромисса для удовлетворения интересов различных направлений.

Джайнам тоже не удалось сохранить первоначальное единство: “одетые в пространство” по важнейшим вопросам культуры и учения о спасении разошлись с “одетыми в белое”. Ясноликий Сурья начинает хмуриться все сильнее: первозданный рай угрожающе деградирует, обретая черты неприглядной действительности. Вот индуистский брахман убивает своего сына (аналогии с известной картиной И.Е. Репина, читатель, здесь не уместны): еще не произнесший на священном санскрите свое первое “мама” первенец приносится в жертву

папой-брахманом возлюбленному божеству – супруге Вишну Лакшми, богине счастья и красоты. А вот тибетские буддисты занимаются весьма богоугодным делом – ритуально поедают человеческие сердца, а из человеческих же черепов складывают пирамиды. В этой же разновидности буддизма, родившейся из причудливой смеси тибетского шаманизма и философии махаяны еще недавно были в ходу и такие весьма “экологичные” ритуальные предметы как т у л у м – молитвенный атрибут, представляющий собой искусно обработанную кожу, содранную с плененного врага веры и буддийской святости, г а б а л а – чаша из оправленной в серебро черепной коробки человека, д а м а р – музыкальный инструмент (какая высокая эстетика!) из обтянутой человеческой кожей полой человеческой кости. “Ахимса!” – кричим мы, пытаясь заклясть дьявольское наваждение последним аргументом. “Сарва-бхута-хита”, – едва шепчем, теряя надежду на возможность вновь обрести экологический рай в священных кушах. “Ахимса, – невозмутимо поучает лама, облизывая кровь с лоснящихся губ, – для стремящихся к совершенству, но не для нас, уже достигших его”.

Но довольно. Вернуть ситуацию под контроль мы уже не можем – цветущая сложность восточных религий получила свое естественное бытие. Конечно же, как и любая модель, наша гипотетическая ситуация утрирована и страдает некоторым схематизмом. Вложить в рамки схемы все разнообразие культовой практики, трогательную наивность низовых верований, богатейшую мифологию и тончайшее кружево философского умозрения, поражающего европейца изощренностью логики, гносеологии и метафизики никак невозможно. Но придется делать выводы.

Выдергивать “ключевые концепции, касающиеся охраны биоразнообразия” из религиозно-философских систем, вынося все остальное, по сути, основное, базовое, за скобки, неправомечно, а точнее безграмотно. Безответственно. Буддистом можно

стать полностью, в противном случае полу-буддист, четверть-буддист, а тем более совершенно невообразимый монстр буддоиндусо-джайн уподобится буфетчику из бессмертного булгаковского романа, не подзревавшему, что свежесть осетрины бывает только одна – первая, она же и последняя.

Иными словами, буддистом (одного из направлений) можно быть. Или не быть им. Как, впрочем, и христианином, и убежденным атеистом, что не зазорно, и кем угодно. Потому что, если ты веришь, что Гаутама, прежде, чем стать Буддой, по меньшей мере восемнадцать раз бывал обезьяной, испытывал участь льва, слона, коня, оленя, орла, лебедя, подъяремного вола, презренного шакала, толстого борова, обиженного зайца, хитрой крысы, ящерицы, лягушки, то будешь соответственно относиться к животным, видя в них инкарнации возможного Будды, практикуя ахимсу и вегетарианство. А если не веришь? Тогда должны быть совсем иные основания доктрины, по которой жизнь – священна, а любая тварь – тайна и объект любви. В конце концов необходимо разобраться в собственных чувствах и ответить себе по-расселовски честно: “почему я не христианин? почему не атеист? почему буддист, а если не он, то кто?”, а не выживать из третьих рук истории Джатак или предписания Кхуддака Патхи и Виная питаки, пытаясь составить “катехизис природоохранника” на манер приснопамятного “кодекса строителя коммунизма”.

В религиях Индии мы найдем заповеди, современными экологами называемые экологическими, которые, если использовать специфический индо-арийский термин, суть элементы м о к ш и – доктрины освобождения от пут феноменального мира. И в этом индуизм, буддизм и джайнизм не более “экологичны”, чем, скажем, христианство, беспочвенно обвиняемое в “антропоцентризме” и “экофобии”. Ведь высшая цель этих трех восточных систем вполне “антропоцентрична” – преодоление

и н д и в и д о м зависимости от мира путем достижения тождества атмана и брахмана как чистой реальности бытия, т. е. поглощение жизни абсолютом (не путать с Богом монотеистических религий).

В философии махаяны есть одна любопытная особенность. Для нее характерен идеал не личного спасения, а идеал спасения всего мира живых существ. Именно этот важный мотив всегда интенсивно эксплуатировался эгоцентристами. Но что такое спасение для буддиста Большой Колесницы? Достижение абсолюта, т. е. мира, в котором все причины и условия упряднены. При этом абсолютом, Будда, нирвана и мир как целое есть различные наименования одного и того же, а живые существа (“миллионы существований”) рассматриваются как проявленное в них Космическое Тело Будды. Вот в этом космическом пантеизме я и усматриваю зерно особого пристрастия эгоцентристов к буддизму в его махаянистской редакции: вирус, муха, птица, человек, какая разница, если они – атомы безличного абсолюта. В с е г о л и ш ь а т о м ы , мечущиеся в океане бытия и обладающие ценностью не сами по себе, а как проявление единственной субстанции, пусть и персонифицированной. Вы хотите быть не личностью, а проявлением обоженного космоса, безличным атомом этого вселенского Тела? Я не хочу, впрочем о вкусах, как говорится, не спорят. Пересадите это учение на нашу почву, питаемую соками совершенно иной традиции и вы получите, как заметил П. Флоренский по другому поводу, мыльный пузырь, разрывающийся каплей грязной воды.

Остается констатировать, что пресловутая экологичность религий Востока – не более, чем плод воображения европейцев с э к о л о г и ч е с к и ц е н т р и р о в а н н ы м с о з н а н и е м , т. е. то, чего нет для правоверного буддиста, индуиста или джайна. Если же “синтезировать ключевые концепции и положения, касающиеся охраны биоразнообразия, взятые из религий”, которые, повторюсь, н е с у щ е с т в у ю т с а м и

п о с е б е, то монструозность носителя такого “синтеза” окажется более, чем очевидной, а благая идея охраны природы превратится в пошлый фарс: “Будда бродит по Голгофе и кричит: “Аллах акбар!”, – как поется в ироничной песенке буддиста Боба Гребенщикова.

Чтобы понять, что так называемая спортивная охота – свинство, не обязательно верить в неизбежность кармического закона. Я тоже когда-то (пусть читатель извинит за пример из личной жизни) стрелял птиц и не только для приготовления жаркого. Наступил момент истины и я продал ружье молодому охотнику с восторженными глазами и чувством наконец-то воплотившейся мечты. Вера же в карму, равнодушно и неотвратно прядущую свою нить, заставила бы меня закопать ружье в землю с целью прервать цепь убийств для предотвращения увеличения личного кармического груза. Или же перековать стволы на кружку для подаяний, которой пользуются буддийские бхикшу, живущие милостыней. Более того, я знаю совершенно равнодушных к любым религиозным вопросам людей, тем не менее неукоснительно блюдущих заповедь “не убий” по отношению к любому живому существу крупнее комара. Концепции кармы я не верю, а дзэн-буддисту Басё, писавшему:

Грустите вы, слушая обезьян!

А знаете ли, как плачет ребенок,

Покинутый на осеннем ветру?

верю. Допускаю, что кто-то останется равнодушным к “слезинке ребенка”, заслушавшись криками обезьян.

Оказывается, все значительно сложнее. Потому что главное почти в любой религии – тяжба с Богом и человеком все же за человека, а не за птиц, рыб или обезьян, как бы вам этого не хотелось. И в этом смысле любая религия, “антропоцентрична”, а декларируемый “экоцентризм” восточных религий, как было сказано, – упорная попытка выдать желаемое за действительное.

Любая религия есть феномен духовного творчества, душевного настроения, ментальной активности, взятых в нерушимом единстве. Этот феномен часто в своей динамике неуловим для понимания субъектом иной культуры. Религиозно-философские системы восточного супрарегиона не являются исключением. Пожалуй, эти религии наиболее непроницаемы для западного сознания, возросшего на ферменте совершенно иного мироощущения, иной культурной традиции: поверим Борхесу, признававшемуся в практически слабом понимании буддизма после многих лет его изучения. Поэтому прямая имитация религиозных универсалий Востока будет выглядеть наивным, беспомощным и, как результат, бездейственным предприятием.

Безусловно, лес, освященный сакральной традицией и несколько миллионов кубометров дров суть две крайние точки континуума, между которыми находится множество мировоззренческих позиций, тяготеющих в ту или иную сторону. То же и гусь, в пронзительной сини осеннего неба в общей симфонии мира символически глаголющий нам о Славе Творца... и безмысленный кусок мяса, добыть который легко и просто. Объяснить же этот лес и этого гуся необходимо не только с точки зрения геоботаники и орнитологии, но и с точки зрения веры, то есть нашего отношения к Абсолютной Реальности, которая н а м и к о н к р е т н о п е р е ж и в а е т с я .

Объяснить и сохранить...

ЛИТЕРАТУРА

Борейко В.Е. (1999): Охрана птиц с позиций восточных религий. - Беркут. 8 (2): 217-219.

Украина (Ukraine),
40002, г. Сумы,
ул. Роменская, 87,
Сумской педуниверситет,
кафедра зоологии.
Е.А. Лебедь.